

СТУДЕНТЫ ШУТЯТ

**ОТ СЕССИИ
ДО СЕССИИ**

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Студенты шутят.
От сессии до сессии
Серия «Юмор – это серьезно»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43224363

*Студенты шутят. От сессии до сессии / В.Е. Шамбаров: Алгоритм;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-906842-07-7

Аннотация

Вниманию читателя предлагается сборник забавных историй о веселой и беззаботной студенческой жизни. Тонкий юмор, блестящее остроумие, забавные парадоксы, комические ситуации, курьезные случаи из жизни – все это знаменитый писатель Валерий Шамбаров собрал в книге, которая способна доставить немало веселых минут каждому, кто возьмет ее в руки. Читайте, смейтесь и удивляйтесь!

Содержание

Студенческие байки	4
Кража века	6
Наследник престола	10
Студенческие волнения	13
Шуточки	20
Мышь	26
Пропеллер и другие	32
Трижды кандидат	39
Шпаргалки	42
Детективные страсти	46
Непонятный термин	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерий Шамбаров

Студенты шутят.

От сессии до сессии

Студенческие байки

Старинная песня гласит: «Живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». Это действительно так. Студенты – народ очень веселый. Потому что они молодые. Самостоятельная жизнь только начинается, она вся лежит впереди. Конечно же, светлая, насыщенная, интересная. Разве может быть иначе, если этого очень хочется? Причем студенты, раз они поступили в тот или иной вуз, убеждены, что они уже нашли свой жизненный путь, встали на него – а значит, дальше все пойдет, как по маслу. Если же случаются какие-то передрыги и неприятности, то это временные мелочи, не заслуживающие, чтобы ими особо впечатляться! Ведь главное – впереди! Широкое и бескрайнее, как поле до горизонта. Да и горизонт – условная черта, его же не видно!

Поэтому студенты – всегда оптимисты. Почему бы и не повеселиться? Выражается это во всем. Они с искренним юмором относятся и к бытовым трудностям, и к самым напряженным экзаменам, и к собственным огрехам, проко-

лам, проказам. Споткнулся, нос расшиб: отличный повод поржать для товарищей, а потом и пострадавшему весело вспомнить. Надо же, как навернулся! Наверное, в каждом вузе есть свои легенды и предания о самых ярких случаях, вошедших в «анналы» устной, неофициальной студенческой истории.

Автору этих строк посчастливилось в 1970-е годы учиться в МИФИ – Московском инженерно-физическом институте. Молодая жизнь там была ключом. Первые свои творческие перлы я как раз там и начал писать, и именно в амплуа юмориста – сочинял сценарии для нашего студенческого театра, славившегося в те годы на всю страну. Он назывался «Восьмым творческим объединением» (а почему восьмым – никто не знал, просто так). К МИФИ я крепко прирос, даже после окончания лет пятнадцать поддерживал связи с тем же театром, продолжавшим успешное существование. В 1980-х мы были одними из тех, кто возрождал кавээновское движение. Уже новые поколения студентов хохмили, а мы их учили, как можно еще лучше хохмить.

А в памяти оставались и реальные эпизоды из студенческой жизни, давшие нам немало поводов для веселья. Их я и предлагаю читателям. В некоторых мне самому довелось участвовать, другим был свидетелем, третьи слышал от друзей и сам по случаю пересказывал. За что купил, за то и продаю.

Кража века

Эта история произошла в стенах нашего института еще в 1960-х годах, задолго до того, как ваш покорный слуга туда поступил. Поэтому фамилий участников студенческие предания не сохранили. Но за достоверность можно ручаться – этот сюжет фигурировал не только в устных байках, которые травили друг другу за чаем или за пивком. Его нам приводили и строгие сотрудники Первого отдела, пытаясь популярно объяснять балбесам, как должны себя вести советские студенты, а как им вести себя категорически не надо.

Нашумевшие впоследствии события начались достаточно банально. Двое ребят из МИФИ крепко погудели где-то в центральных кабаках Москвы. От себя поясню, что на подобные развлечения «по высшему разряду» особенно были падкими первокурсники – оторвались от папы с мамой, попали в столицу, вот и рвались шикануть. Да и деньги собственные вдруг в карманах зашуршали! Стипендия в МИФИ была высокая, 55 рублей. А это было немало: для сравнения, батон хлеба стоил 13 копеек, а в метро ездили за пятак. Словом, вполне можно было даже в самом лучшем ресторане посидеть – если, конечно, не задумываться, что завтра жрать будешь.

Но в тот раз два наших героя не просто посидели и набрались – а набрались до очень абстрактного состояния. Опом-

нились, как в песне у Высоцкого, когда уже «автобусы не ходят, метро закрыто, в такси не содят». Ну и побрели себе по ночной столице куда глаза глядят. Точнее – куда ноги несут, поскольку свое местонахождение они представляли весьма смутно.

Видят – какой-то старый дом. И окно открыто. А рядом стремянка брошена, вроде как ремонт идет. Ну и стукнуло им в башку забраться вовнутрь. Просто так, без всякой задней мысли, из чистого любопытства. Опять же, вдруг получится приткнуться и прикорнуть до утра в ремонтирующемся здании? Дом-то выглядел явно нежилым. Залезли, смотрят – мать честная! Куда попали! Сколько же там интересного! Кругом и оружие красивое, и одежда старинная! И других любопытных штуквин столько, что глаза разбегаются! Надежда заночевать сама собой отпала, зато выиграла другая мысль: разве можно уйти из такого места без сувениров? Ведь в другой раз никогда так не посчастливится. Да и в общежитии никто не поверит.

Недолго думая, пооткрывали шкафы с витринами. Один из студентов, видать, был настроен романтически. Выбрал себе шикарнейшую шпагу. Другой был попрacticalнее, прихватил шубу потеплее. Ну и по мелочам нахватали, что в карманы уместилось. Тем же путем, по стремянке, вылезли на улицу. А как они потом через половину Москвы до Каширской добрались, как они попали в общежитие, совершенно не помнили. У обоих полный провал памяти наступил. Сло-

вом, именно тот случай, когда пьяным везет.

Наутро очухались – рады без памяти, что их менты нигде не замели и не отгрузили прямым ходом в вытрезвитель. Стали озираться по комнате среди раскиданных ботинок и штанов, увидели собственные трофеи и совсем ошалели. Откуда это? Где взяли? Чесали в головах и кряхтели – надо же так ухрюкаться! Покрутили так и эдак свои приобретения – куда их девать? Запихали в шкаф, чтоб соседи не позарились. В общаге нравы царили известные. Увидят такие экзотические вещи, начнут клянчить, чтобы самим повыдрючиться. Ну и ищи-свищи, куда подевалось.

А тем временем средства массовой информации уже всю развопились о «краже века» в СССР – дерзком ограблении Исторического музея. Похищенными оказались наградная шпага Суворова, усыпанная редкими бриллиантами, шуба боярина Ромодановского, да и «по мелочам» тоже набегало изрядно. Но шумели об этой сенсации только за границей. В те времена советская пресса и телевидение о подобных скандалах предпочитали хранить полное молчание. Хотя главные виновники не то что иностранных, но и своих-то газет не читали. Продолжали жить в блаженном неведении, тихо и вполне благопристойно. Ведь стипендию они прокутили напрочь, и на какие-то новые приключения у них попросту денег не было. Шпаге Суворова быстро нашли применение: хлеб резать, колбасу. Оказалось – очень удобно. Чего ж такому нужному предмету без дела валяться? А шуба уж

слишком тяжелой была, в институт не наденешь. Да еще и сопрут в гардеробе!

Нетрудно понять, что на расследование были брошены лучшие силы московского уголовного розыска. Перетряхнули всех рецидивистов, числившихся у них в картотеках, все известные «малины» и притоны, мобилизовали всех стукачей в воровской среде – и ничего. Ни единой зацепочки. Так и зависло следствие, топталось на месте. Топталось оно ровно месяц. Потому что через месяц выдали очередную стипендию. Парни опять крепко усугубили. Хотя на этот раз решили быть поскромнее в запросах и затратах – пили у себя дома, в общежитии, кромсая закуску трофейной шпагой. Но когда дошли до нужной кондиции, одному из них вздумалось пофорсить. Он надел шубу боярина Ромодановского и поехал гулять по Арбату...

Уж какой приговор они потом получили, не знаю. История об этом умалчивает.

Наследник престола

Среди нравоучительных рассказов, которыми нас воспитывали работники режимных органов и которые одновременно ходили в устных пересказах, была еще история о похищении африканского принца. Из какой страны – трудно судить. Официальные сотрудники Первого отдела об этом умалчивали. А неофициальные версии очень сильно расходились. Чаще они зависели от того, насколько глубоко очередной рассказчик знал географию.

Зачем его высочество пожаловало в СССР, я тоже не знаю. Но в то время гостей из развивающихся и завивающихся африканских стран к нам ехало много. Одни – учиться, другие – по делам, третьи – просто по Москве пошляться. Видимо, нравилось, что в Советском Союзе к ним относятся, как к белым людям. Даже гораздо «белее», чем к своим же русским. А тот принц, о котором идет речь, был студенческого возраста, а по натуре, судя по всему, изрядным шалопаем. Потому что началась история в одной из центральных пивных Москвы. Он там пивком пробавлялся в свое высочайшее удовольствие, пока туда же не нагрянула толпа студентов, решивших как следует встряхнуться. Ну и пошло.

После неведомо какой по счету кружки познакомились – впрочем, весьма условно. Его высочество не понимал ни бельмеса по-русски, а наши ребята ни в одном языке, кро-

ме русского, не петрили. Но такая мелочь, конечно же, не помешала их полному взаимопониманию. Студенты горячо ему доказывали, как они уважают негров. А он им что-то по-своему лопотал. Словом – сошлись душа в душу.

Тут, кстати, надо пояснить, что МИФИ готовил инженеров-ядерщиков. Он был в то время институтом сверхрежимным и сверхзакрытым. В отличие от других московских вузов, у нас не было студентов даже из «братских» стран социалистического лагеря. А уж из капиталистических или сомнительного «третьего мира» – тем более. Поэтому где-нибудь в МГУ негры были обычным, повседневным явлением, а для наших парней принц оказался в диковинку. Окончательно подружившись, его пригласили с собой в общежитие, где намеревались весело продолжить вечер. Он тоже дошел уже до состояния полного доверия и повышенной легкости на подъем. Без раздумий согласился.

Конечно, у принца была охрана, сопровождающие. Но они, видимо, оказались под стать хозяину и слишком увлеклись пивком. Или проморгали – мало ли куда отлучилось высочество? Может, очередной раз в туалет побежало? Хватились – а оно исчезло! И куда – неведомо!

А студенты его вдобавок раскошелили на такси, привезли к себе в общагу. На бухло он тоже денег добавил. Дома, в своих стенах, принялись добирать – чтобы уже под завязку. Но сказалась обычная закономерность. Сколько бы выпивки ни было, она всегда не вовремя кончается. Тогда чья-то

мудрая голова сообразила, что общага большая, комнат много. Наверняка пьют где-нибудь еще. Если заявиться с пустыми руками, то тебя, ясное дело, пошлют далеко и однозначно. А если с негром – кто же налить откажется? И впрямь, сработало. «Халява» оказалась железной. Участники вечеринки вдохновились таким успехом и придумали, как можно еще усовершенствовать столь плодотворную идею. Начали водить пьяного негра по всем комнатам и за рубль показывать.

А в это время по Москве уже разыгрался настоящий дипломатический скандал. Шутка ли – пропал наследник престола! Посол этой самой африканской державы, потирая взопревшую черную шею, видать, уже прикидывал, какой конец его карьере придумает папаша похищенного принца. Сразу отправит в котел на дворцовую кухню или сперва шкуру спустит на барабан? Целую ночь лично обзванивал все инстанции, поднял на ноги все соответствующие службы и органы.

Но нашли принца не КГБ и не милиция. Утром его нашли уборщицы. Накануне его совершенно развезло, на ногах стоять перестал. А тяжелый ведь! Да и раздурился сверх меры – то обниматься лезет, то начинает бушевать по-своему, злиться, какие-то права качать. Ну и надоел он мужикам. Таскали-таскали его по общаге – и бросили. Так он и заснул в коридоре на заплыванном полу, свернувшись калачиком под теплой батареей...

Студенческие волнения

Иногда приходится слышать и читать, что в советское время случались студенческие акции протеста, беспорядки. Подтверждаю – да, бывало. Но происходили они совсем не так, как представлялось западной «общественности» или тамошним глубокомысленным исследователям. А как именно происходили – никакой американец, немец или швед все равно не понял бы. В его стандартизированной голове подобное уложиться никак не могло.

Например, у нас в МИФИ «беспорядки» бурлили дважды. В первый раз, еще в 1960-х, все началось с празднования «Тысяча первой ночи». Эту дату отмечали на третьем курсе, после тысячи дней пребывания в МИФИ. Она приходилась на май месяц, как раз в промежуток между окончанием занятий и началом экзаменационной сессии. «Тысяча первая ночь» считалась студенческой традицией, но праздник был неофициальным, никаких ритуалов и обычаев на этот счет не существовало. Просто название звучное, а отмечали каждый сам по себе, кто во что горазд.

Но в тот раз после долгого ненастья вдруг выглянуло яркое солнце. В студгородке народ высыпал на лужайку между четырьмя корпусами общежития. Кто с книжкой, кто с бадминтоном, а кто просто так – на людей поглазеть. А тут еще в соседний магазинчик «Солнечный» пиво завезли. С подачи

празднующих третьекурсников его потащили прямо ящиками туда же, на лужайку. Хотя пиво в данном случае сыграло только роль катализатора. Много ли одного магазинного завоза на население четырех корпусов?

Но те, кто еще сидел в общаге, увидели из окон, как на лужайке весело. Тоже потянулись на улицу. Собралось уже тысячи полторы молодежи. Весна, энергия у всех бьет через край, и в образовавшихся толпах закрутились водовороты стихийного буйного дурачества. У кого как, случайным образом. Где-то поют, где-то орут. Самые яркие индивидуальности, разумеется, стараются стать центрами общего внимания. Самые дурные тоже. Пыжятся, кто во что горазд, на ходу изобретают импровизированные действия.

Кто-то наряжается, чтобы посмешнее. Или толкает речи с претензией на остроумие. Потом придумали вешать отличника. Взялись уговаривать на эту роль отличника самого натурального, можно сказать, наивысшего сорта – ленинского стипендиата. Очень хорошо угостили его пивом, и он согласился. Ему нацепили на грудь табличку «отличник» и вывесили из окна третьего этажа. Конечно же, перепоясали под мышками и держали крепче, чтоб не свалился. А дальше совсем пошли вразнос. Решили в шутку устроить шествие к институту.

«Повешенный» уже и сам вошел во вкус – ведь приятно быть героем дня, когда все вокруг тебя крутятся и на тебя пялятся! Разыграл публичное покаяние: дескать, больше

я «поганкой» не буду, «прости, народ!». Соорудил себе хоругвь, нацепив на швабру черные штаны, встал во главе дурчащейся колонны. Остальные тоже придумывали, что еще отчебучить, как себя показать, чтоб приятели одобрили и девки похихикали. Из листов ватмана, на обратной стороне чьих-то курсовых проектов, склеили транспарант «Долой сессию!». Но до института они не дошли. Из окон окрестных домов люди давно уже углядели, что в студгородке творится нечто непонятное. Сообщили куда следует. Поэтому весь квартал оказался оцеплен милицией. Толпа уперлась в кордоны, дальше не пропускали. Постояли-постояли, пошумели, да и разошлись по корпусам, по комнатам.

Может, дело и спустилось бы на тормозах. Однако на следующий день по радио, то ли «Голос Америки», то ли «Би-би-си», передали – «студенты московского ядерного колледжа устроили демонстрацию, протестуя против сессии Верховного Совета» – которая, увы, проходила в эти же дни. Подавляющее большинство студентов про то, что там в Верховном Совете делалось, ни сном ни духом не подозревали. Ну неужели хоть кто-нибудь из полуторатысячной толпы передовицы официальных газет читал? Может быть, только те, кто готовился к экзамену по научному коммунизму. Или в туалете от нечего делать прочитал газетный текст перед использованием.

Но передача «вражьих голосов» обеспечила разбирательство на полную катушку. Выявленных зачинщиков, в том

числе ленинского стипендиата, в два счета отчислили из института. А празднование «Тысяча первой ночи» после этого лет пятнадцать находилось под запретом. Когда наступала эта дата, в общежитие специально приходили работники деканата, присматривали – чтобы ни-ни! Никаких «тысяча первых».

Ну а другие «беспорядки» случились уже на моей памяти. Причем тоже оказались с «политикой» связаны! В это время готовились какие-то очередные выборы. Соответственно, от студентов требовалось встать пораньше, дойти до избирательного участка и проголосовать. За кого – не важно, альтернативы все равно не предусматривалось. Отметься, получи бюллетени, сунь в урну, и свободен. Главное, чтобы явка была 100 %, и чем раньше, тем лучше. Ведь ректорату и парткому надо было поскорее отрапортовать наверх. В такие дни уже с шести утра в студгородке включали на всю катушку музыку, будили спящих, от парткома и факультетского партбюро дежурные преподаватели обходили комнаты – вдруг кто-то подушкой уши закрыл и пробует еще дрыхнуть? Очень вежливо, но и очень настойчиво спрашивали всех поспешить «исполнить гражданский долг».

Но это в самый день выборов бывало. А в тот раз, о котором идет речь, где-то за неделю до выборов в студгородок приехал автобус. В нем должен был развернуться буфет – рядом с избирательным участком его всегда устраивали. Автобус приехал своим ходом, исправный, но встал он на пусты-

ре за общежитием. А как раз там, на пустыре, наши ребята всегда гоняли в футбол. Тем самым появившееся транспортное средство сразу вызвало чувство острой неприязни. Водитель, не подозревая об этом, ушел, и даже двери как следует не запер. Неудивительно, что в первую же ночь туда проникли и все красивые штучки пооткручивали. На следующий день шофер снова появился, возмущенно сокрушался. К нему вышли делегаты от любителей футбола и намекнули, что автобус с поля надо бы убрать. Но он весьма опрометчиво не отреагировал. Только запер салон понадежнее. Что ж, ночью, когда очередная попытка проникнуть вовнутрь не удалась, у автобуса просто прокололи шины и побили стекла.

А дальше выдался выходной – и опять же, на редкость хорошая погода. Десяток студентов все-таки решили попробовать поиграть в футбол. Осмотрели автобус на пустыре – можно ли его как-нибудь стороной обегать? Кто-то предложил откатить его, чтобы не мешал. Поднатужились – не тут-то было, он стоял на тормозе. Однако из-за погоды половина населения студгородка торчала в окнах. Увидели, что люди надрываются и нужна подмога. Без всякого зова в считанные минуты набежала пара сотен парней. Хотя количеством проблема не решилась – всем вместе оказалось просто не за что ухватиться.

Но ведь силушка уже разыгралась, молодецкая удаль расплескалась. Среди общей возни и пыхтенья была брошена плодотворная идея – а что если «кантовать» автобус? Ее

встретили с огромным воодушевлением. Вмиг облепили автобус, как муравьи жука, и завалили на бок. Из соседних преподавательских домов такое «хулиганство», конечно же, заметили. Соответственно, позвонили.

Подкатила «волга» с двумя ментами – один за рулем, а другой выскочил с мегафоном и стал требовать разойтись, рассыпая суровые угрозы. Но народ-то уже завелся! Уже был на подъеме – и физическом, и эмоциональном. Поэтому миллицейский матюгальник только подлил масла в огонь. Парни оглядели «волгу» и начали прикидывать – может, и ее так же, как автобус? Правда, взяло верх более миролюбивое предложение: оттащить ее в сторонку, чтобы не путалась под ногами и не мешала дальше «кантовать» автобус.

Милиционер за рулем побледнел, словно полотно, когда толпа вдруг окружила его машину. С перепугу дал газ – да поздно! «Волгу» уже подняли, и колеса лишь взвыли, закружившись в воздухе. А студенты перенесли ее на соседнюю асфальтовую дорожку, и те, кто держал машину спереди, едва успели отскочить. Как только поставили, она рванула на полной скорости. Даже напарника забыла. А он совсем ошалел и растерялся, оставшись один в студенческой массе, ревушей от восторга. Со всех ног кинулся бежать за «волгой» – так и мчался, пока не пропал из вида.

Народ с новыми силами навалился на автобус. Про первоначальную идею «кантовать» все уже позабыли. Теперь увлекательным оказалось само переворачивание. Хотели его по-

ставить «на попу» – для понта. Но это оказалось слишком трудным. Тогда просто перевернули его вверх колесами и разошлись, вполне удовлетворенные достигнутыми результатами. Через пару дней автобус увезли – разумеется, уже на буксире.

Дело обещало быть крутым и грозным – автобус-то для выборной кампании был выделен! Политика! Однако на этот раз обошлось вообще без наказаний. Потому что участники «беспорядков» и им сочувствующие нашли отличное средство самозащиты. Просто-напросто пустили по общаге слух – если начнутся репрессии, то студгородок на выборы не пойдет. Причем не потребовалось никаких ультиматумов и переговоров. Принялись пошире болтать об этом, прекрасно зная, что через стукачей информация все равно дойдет до начальства. А неявка избирателей стала бы таким вопиющим ЧП, что вряд ли кто-нибудь из институтского руководства удержался бы на своих постах. Перед подобной угрозой любые грехи выглядели просто мелочью, и инцидент замяли. Напрочь «забыли» о нем, будто никакого автобуса на футбольном поле и никакой ментовской «волги» даже в помине не было.

Шуточки

Шутки и розыгрыши студенты любили во все времена. А у нас в МИФИ очень популярным был «день смеха», 1 апреля. Тут уж каждый считал своим долгом хоть как-нибудь подколоть товарищей и самому позабавиться. Самой простейшей шуточкой было связать между собой противоположные ручки дверей в комнатах общежития. Через коридор. Они открывались вовнутрь, ну и подергай, когда захочешь выйти. Этот прикол был настолько обычным и банальным, что в ночь на 1 апреля по коридору трудно было пройти из-за множества таких натянутых веревок.

Были и вещи гораздо хуже. Наполнить водой здоровенный пластмассовый мусорный бак, какие стояли у нас на кухнях, и прислонить в наклоненном виде к чьей-нибудь двери. Кто откроет – все содержимое вместе с вонючей водой выплескивается ему на ноги и в комнату. Но это считалось очень злой шуткой. Ее применяли к тем, кого не любили – главным образом к заподозренным в стукачестве.

Прикалывались и иными способами, изобретая что-нибудь уникальное, особенное. Однажды у бабки-вахтерши, заснувшей в своем кресле на боевом посту, у входа в общагу, унесли стол вместе с телефонами – с первого этажа на пятый. А как-то раз выдрючился ваш покорный слуга. Ночью позакрывал все туалеты общежития. Изнутри. Там стен-

ки кабинок не доходили до потолка и, подтянувшись, можно было перебраться из одной в другую через верх. Сейчас-то в этом уже можно признаться. Но тогда, пожалуй, было слишком опасно. Утром народ, побежавший по сортирам, очень уж нервничал и почему-то признал мою шутку «дурацкой». Впрочем, это самое мягкое определение. Приводить остальные я по понятным причинам воздержусь.

В «классику» исторических преданий вошел финт, проделанный на Пролетарском проспекте. Там построили подземный переход. Но он оказался в стороне от дороги, по которой мы обычно ходили к институту. Долгое время шла настоящая война между студентами и милицией. Мы упрямо продолжали перебегать улицу в старом месте. А они устраивали засады в кустах, за машинами, и штрафовали нарушителей. В ночь на 1 апреля наши ребята взяли где-то белую нитрокраску, сделали трафарет и на традиционном, «нашем» месте перехода нарисовали на асфальте свежую, четкую «зебру» – потом все студенты шагали по ней с довольным видом, а ментам пришлось сначала сильно недоумевать, а потом отскрести. Но сделать это было совсем не просто. Нитра!

Ну а в самом институте 1 апреля поднималась невообразимая кутерьма. Предварительно мы проводили доскональную разведку. Изучали вывешенные объявления, доски приказов. Утром приходили в «альма-матер» пораньше и действовали. Развешивали новые объявления. Например, о тематическом вечере «Чарли Чаплин и Аркадий Райкин – ве-

ликие сатирики современности» – с показом кинофильмов. Народ тогда был голодным до зрелищ, в актовЫй зал валом ломанул! А на настоящих объявлениях измеряли шрифт и точно таким же рисовали какие-то новые слова, вклеивая их в текст. Или частицу «не». Вместо «состоится» – «не состоится». Очень весело было менять таким способом координаты реальных мероприятий.

На доске оперотряда как-то вывесили приказ, что всему личному составу объявляется вечером общий сбор, и при себе требуется иметь сухой паек, резиновые сапоги и фонарики. На досках деканатов появлялись приказы с отчислением заведомых отличников за неуспеваемость, назначением двоечникам повышенных стипендий, выселением самых примерных из общежития за кутежи и дебоши.

Изучали и расписание занятий. В аудиториях на досках мелом писали – у такой-то группы лекция или семинар переносится в другую аудиторию. А в другой тоже на доске надпись – группы, которые должны были там заниматься, адресовались еще куда-нибудь. Что творилось, можете представить. Одни ошалело переходят туда, другие сюда. Преподаватели идут в те аудитории, где они должны вести занятия, но там оказываются студенты совершенно не «ихние», не тех курсов и факультетов.

С туалетами тоже шутили, хотя обходились без запирающих. Просто развешивали на дверях бумажки, отпечатанные на машинке: «Туалет не работает. Администрация». Было

очень потешно наблюдать, как люди тычутся к двери, видят эту бумажку и даже не пытаются войти. Психуют: «Тьфу, пропасть, и здесь не работает» – и поворачивают назад, бегут на другой этаж. Где висит аналогичная бумажка.

Однажды мы узнали, что у нашего замдекана, Евгения Ивановича Яковлева, как раз день рождения – а он тогда декана замещал. В результате на доске деканата появился «приказ» – «Поздравить Яковлева Е. И. с днем рождения, пожелать ему то-то и то-то...» и подпись – «и. о. декана Яковлев». Уж в подписях специалисты имелись высочайшего класса! За любого преподавателя подмахнуть могли, а тем более за «родного» замдекана. Он сам за день, наверное, сотню раз прошел мимо доски деканата. А на «приказ» со «своей» подписью не обращал внимания. Мало ли висит распоряжений с его автографом? Это поздравление красовалось очень долго. Начали замечать другие преподаватели, читали, показывали друг другу, хихикали. Но Яковлеву не говорили.

Впрочем, розыгрыши у нас устраивали и без 1 апреля. На нашем курсе учился Валера Аверин по прозвищу Донбасс. Ростом и статью – здоровенный детина. Но трус был отчаянный, всего боялся. И как-то раз он получает письмо. Аккуратный конверт, эдакого сугубо канцелярского вида, адрес и само письмо напечатаны на машинке. А текст такой: «Вам предписывается явиться такого-то числа во столько-то ноль-ноль в комнату № 227 к тов. Иванушкину для выяснения вашего происхождения из семьи служащих. Иметь при

себе свидетельство о рождении, паспорт, приписное свидетельство, профсоюзный и комсомольский билет». Подпись – «Начальник ИТНХ Фиберман».

Что тут с Донбассом было! В какие глубины у него «матка ухнула»! Он аж с лица спал. Заметался. Начал среди товарищей справки наводить. Причем напрямую не спрашивал, тоже боялся – все исподволь, косвенными вопросами. Разные маневры придумывал, чтобы вызнать, кто же такой Иванушкин и в чем его, Аверина, могут обвинить.

Поясню, что в комнате № 227 размещались одновременно факультетское партбюро, профбюро и бюро комсомола. Иванушкин был реальным лицом, он в комсомольском бюро отвечал за спортивную работу. У членов всех трех организаций существовали дни и часы дежурства, и в письме указали как раз время дежурства Иванушкина, который был здесь абсолютно ни при чем.

Но авторы письма в назначенный день и час за дверью комнаты 227 специально присматривали со стороны. Смотрят – Аверин идет. При полном параде, лучший костюм нацепил, галстук надел, постригся поаккуратнее, ботинки начистил. А сам – бледный, как мел, трясется, на негнущихся ногах. Иванушкин его охотно принял, ему же на дежурстве делать нечего. Кто и зачем к нему пойдет по спортивным вопросам? Он очень удивился, когда Донбасс ему предъявил повестку. Крутил ее так и эдак. А потом еле спровадил заикающегося от волнения посетителя, пытающегося всучить

ему для проверки кипу своих документов: паспорт, свидетельство о рождении, приписное, комсомольский и профсоюзный билеты. Втолковывал, что над ним явно подшутили, а тот упирался, что-то еще силился рассказать о себе.

Но Аверин даже после этого не успокоился. Волновался и переживал: вдруг в письмо закралась опечатка? Вдруг он обязан был явиться в какое-то иное место – и не явился! Ведь отвечать придется! Взятся выяснять у знакомых: кто такой Фиберман? И что за учреждение – ИТНХ? Очень долго приставал с расспросами то к одному, то к другому, пока всем не надоел – и пока кто-то не подсказал ему, что ИТНХ, очевидно, означает «иди ты на...».

Мышь

Как-то погожим майским днем я шел из института, сдав последний зачет. Догоняет меня Саша Селин, он тоже последний зачет сдал. Сами понимаете, настроение у обоих – словно радуга. А вокруг – небо голубое, травка зелененькая, солнышко ласковое! Идем и балдеем. Предвкушаем, как сейчас наконец-то отдохнем, выпьемся, расслабимся. И вдруг возле кафе «Дружба» на дороге выбегает мышь. Обычная, серенькая. Уж не знаю, то ли у Сашки древние охотничьи инстинкты проснулись, то ли просто нашли выход эмоции, распиравшие его. Он издал нечленораздельный боевой клич и кинулся за грызуном. Мышь наивно попыталась спастись бегством, маневрировала туда-сюда. Но какое там! Ноги у Сашки оказались во много раз длиннее, спортсмен, футболист. Вскоре ухватил ее и торжествующе поднял над головой.

Мыши подобное обращение совершенно не понравилось, и она ткнула его за палец. Селин почему-то счел это незаслуженным оскорблением. Рассердился и собственноручно задушил грызуна, как Отелло Дездемону. Но зубки у мыши были острые, оставили глубокую ранку. Мы с ним начали обсуждать, какую опасность может таить укус. Пришли к выводу, что запускать его нельзя. Ведь всем известно, что мыши – переносчики заразы. Короче, я потопал в общежитие насла-

ждать заслуженным отдыхом, а Селин – в поликлинику.

А там, разумеется, была очередь. Это ж был конец зачетной сессии – а по справке о болезни ее допускалось продлить. При таком наплыве пациентов дело в поликлинике было поставлено на конвейер. Выскакивает из кабинета медсестра с букетом градусников и ставит их скопом очередной партии мнимых больных. Селин отсидел в коридоре, пока не дошел черед и до него. Начал было сестре свою беду объяснять, но она и слушать не стала. Рывкнула, чтобы мерил температуру, а все разговоры будут потом. Ну что ж, он сидит дальше, мерит. Его соседи по очереди, конечно же, сразу поменяли поставленные градусники на другие, которые принесли с собой. Или иными способами сделали себе 37 с чем-нибудь – например, кончик термометра о брюки потеряли. Ну а ему зачем? Он за помощью, а не за справкой пришел. Медсестра снова выскакивает, собирает градусники и, мельком глянув, заявляет ему, чтобы шел своей дорогой – у него нормальная. Селин ей снова пытается объяснить, а она только отмахивается:

– Температура нормальная, и освобождения вы все равно не получите.

– Да не нужно мне освобождение! – взмолился Сашка уже в полном отчаянии.

– Как не нужно? – поразилась сестра. – А зачем же вы тогда вообще пришли?

– Понимаете... Меня мышь укусила.

– Что-о-о? – не поверила она своим ушам. А когда Селин повторил, что его мышь укусила, то сестру начало трясти. От смеха. Сперва понемножку, мелкими приступами, вроде как изнутри. Потом, по мере того, как ситуация прояснялась, все сильнее и сильнее. Наконец, сумела выдавить:

– Так чего же вы хотите?

Но Селину-то не до смеха! Объясняет, что пришел получить необходимые прививки – вдруг мышь была бешеная? Тут медсестра от смеха совсем раскисла. Еле-еле взяла себя в руки и потащила его к врачихе в кабинет, уже без всякой очереди. Говорит, давясь спазмами хохота и вытирая слезки:

– Вот к вам молодой человек, его мышь укусила!

А дальше уже обе хором покатались. Никак не могут успокоиться. Но в перерывах между приступами смеха пытаются соображать, что делать. Как выяснилось, врачиха за свою практику с мышинными укусами ни разу не сталкивалась. Побежала по поликлинике других докторов звать на совет. В какой кабинет она заходила, сразу было слышно – по взрывам хохота. Возвращалась с очередным врачом, и Селин им раз за разом вынужден был пересказывать свою историю болезни. После чего новый врач закатывался вместе с другими, собравшимися ранее. А когда сошелся полный консилиум и насмеялся до икоты, пришли к выводу, что Сашке надо ехать в городскую санэпидемстанцию – там и в мышах больше понимают, и случаями бешенства ведают.

Он и покатил – на противоположный конец Москвы. Если

не ошибаюсь, куда-то на «Юго-Западную». Насилу отыскал адрес, тычась с расспросами по улицам и переулочкам. Хотя в санэпидемстанции над ним смеяться не стали. Наоборот, проводили к чрезвычайно серьезному сотруднику. Тот развернул на столе кучу бумаг и принялся заполнять нечто вроде протокола:

– Мышь была белая или серая?

– Серая.

– Та-ак, серая... В каком районе она на вас напала?

– Возле кафе «Дружба».

Долго выясняли по справочникам точный почтовый адрес кафе «Дружба», которого Селин, конечно же, не знал.

– Мышь находилась на траве или на дороге?

– Вроде на траве. А потом на дорогу выскочила.

Наконец Сашке предложили осветить картину самого события.

– Ну... иду по улице. Смотрю – мышь. Я, естественно, за ней погнался...

– Почему это – естественно? – подозрительно уточнил сотрудник. – Разве гоняться за мышами для людей естественно?

Селин начал выкручиваться, стараясь логически обосновать свой позыв. Но сотрудник санэпидемстанции, когда узнал, что не мышь напала на Сашку, а он на нее, счел дело исчерпанным. Попросил расписаться в протоколе и указал на дверь. Тот заикнулся о желанной прививке против бешен-

ства, однако дяденька весьма авторитетно констатировал:

– Видите ли, молодой человек, бешеных мышей в Москве нет. Так что езжайте назад в свою поликлинику, и пусть вам сделают обычный укол от столбняка.

Селин, уже и без того измотавшийся, пробовал упрямиться, чтобы ему сделали укол здесь же. Но выяснилось, что обычных прививок от столбняка санэпидемстанция не делает, и получить их нужно по месту прописки. Вот если бы от бешенства сорок уколов в живот – это пожалуйста... Короче, потащился он назад. Прием в поликлинике уже закончился, застал только дежурную медсестру. Растолковал ей, что ему надо. Его историю она уже знала и смеялась теперь недолго.

– Ладно, – говорит, – а какую прививку тебе делать, сыворотку или анатоксин?

– Да я-то откуда знаю? – разводит руками Саша, – Ну давайте сыворотку.

– А сыворотку я не имею права без врача делать.

– Так давайте этот... как его, другой!

– А анатоксина у нас нет.

Словом, поспорили-поспорили, и она направила Селина из институтской поликлиники в районную. А до нее тоже был не ближний свет – перекладными автобусами добираться. Там и дежурный врач был, и медикаменты, какие нужно, – но Селин опять вынужден был пересказывать всю свою историю про мышиный укус и последовавшие злоключения. И слушать его опять собрался весь медперсонал. Прививку

он еще долго не мог получить – у медсестры от хохота руки тряслись. Вроде успокоится, возьмет шприц – и снова зальется...

В общежитие он заявился часов в десять вечера – когда я уже успел выспаться и блаженствовал с друзьями, допивая пиво. Какую реакцию вызвал его рассказ – догадаться нетрудно. За столом – никого, все от хохота под кроватями ползают... Вот так-то маленьких обижать!

Пропеллер и другие

Конечно, студенты в наши времена не только балбесничали. Иногда и учились. А МИФИ по праву считался одним из лучших вузов страны. Он готовил специалистов высочайшего уровня, и преподавательский состав был самой мощной. О его квалификации свидетельствует хотя бы тот факт, что в МИФИ получалось делать отличных инженеров из нас и таких же раздолбаев, как мы. А личности среди преподавателей встречались очень яркие и запоминающиеся.

Взять хотя бы профессора Анатолия Федоровича Малова – он у нас читал лекции по математическому анализу. И как читал! Заслушаешься! Это же была песня! Вдохновенная симфония! Возле доски метался, как дирижер оркестра, размашистыми жестами чертя на ней формулы и выводы. Он всегда был строго и красиво одет, в элегантном костюме. Но во время лекции совершенно увлекался. Дописав ряд формул до конца доски, начинал писать их там, где еще осталось свободное место – вертикально, наискось. А когда места вообще не оставалось, он даже не прерывался, чтобы найти тряпку или губку. Стирал написанное тем, что оказывалось ближе под рукой – собственным галстуком, не снимая его с шеи. Сотрет, освободив какое-то пространство, и не обращает внимания, во что превратился его галстук и соприкасающиеся с ним части костюма. Уже заполняет очищенный

промежутков новыми формулами.

Кстати, позже мы узнали, что Малов действительно музыкой увлекается, страстный поклонник и глубокий знаток Вагнера. Когда студенты попросили его выступить в общезнании, очень охотно откликнулся. Прочел в красном уголке несколько блестящих лекций о Вагнере и его произведениях, приносил записи и пластинки. Хотя эту инициативу вскоре пресекли. Ведь Вагнер был в советское время не в чести, поскольку его музыку любил Гитлер. Никакого официального запрета не существовало, но и не приветствовали, по радио, телевидению, на концертах эта музыка не звучала. А когда идеологическое начальство узнало, что Малов нам про Вагнера вечера проводит, то и озаботилось – «как бы чего не вышло». На всякий случай. Без этого спокойнее.

Выдающимся специалистом в своей области был и заведующий кафедрой общей физики Савельев. По трехтомнику Савельева в то время учили физику в большинстве высших учебных заведений. У нас даже частушка ходила:

Как я физику учила,
Пока вовсе не сдала,
Днем я с Левичем сидела,
А с Савельевым спала.

Но «спала» в народном творчестве только фигурально, для прикола. С ним не только спать, а даже мельком встретиться было противопоказано. Характер он имел такой вред-

ный и дерьмистый, что его не любили даже сотрудники его же кафедры. А со студентами он вообще зверствовал. Сдать ему экзамен было практически невозможно. Когда он приходил на экзамен, дрожали все. Добровольцев идти к нему не бывало никогда. Но он сам выдернет несколько зачетных книжек, вызовет и отставит три-четыре двойки. Вне зависимости, знают что-нибудь его жертвы или нет. Поставил только для того, чтобы своих же преподавателей уличить, как плохо они готовят студентов. Благо на экзаменах он всегда сидел недолго. Выставит несколько «бананов» и уйдет.

Хотя он даже без экзаменов, просто в коридоре к студентам цеплялся. Прицепится к какой-нибудь мелочи, не только продерет, а еще и в деканат обязательно накапает, чтобы обеспечить неприятности. Первокурсникам его старшие товарищи специально показывали издалека и предупреждали – от этого держись подальше, обходи стороной. А если идет навстречу, сверни куда угодно, даже в обратном направлении.

Впрочем, студенческие симпатии и антипатии зачастую были совершенно непредсказуемые, без видимой логики. Например, заведующая кафедрой общей химии доцент Вагина вроде бы никогда не свирепствовала. Оценки ставила нормальные. Правда, дама была весьма самоуверенная, на всех институтских мероприятиях лезла на первый план. А в парторганизации отвечала за идеологию, прославившись крайней твердолобостью. Но нам до этого как будто особо-

го дела не было. Тем не менее ее очень не любили. В фамилии ударение ставили не на первый слог, а на второй. Даже анекдоты про нее сочиняли, причем ни одного их них здесь нельзя привести по цензурно-нецензурным соображениям.

А вот преподавателя политэкономии, доцента Александра Николаевича Рубцова, любить было совершенно не за что. Принимал и ставил оценки туго, ни о какой справедливости говорить не приходилось, да еще и самодур, каких мало. Но его почему-то очень все уважали, даже те, кому он напакостил. После окончания института вспоминали о нем с искренней теплотой.

У него было прозвище Пропеллер – потому что он еще в молодости работал в конструкторском бюро КБ Поликарпова, занимался там проектированием винтов самолетов. Мы об этом знали от ребят со старших курсов, которым он сам рассказал. Они нас научили и методике, как пользоваться этой информацией. Перед семинаром по политэкономии, чтобы избежать проверки конспектов и опроса, на доске писали формулу Жуковского, как будто случайно оставшуюся после предыдущих занятий. Срабатывало железно. Войдя в аудиторию, Пропеллер расплывался в улыбке:

– О! Формула Жуковского!

– А вы откуда знаете, Александр Николаевич? – подбрасывался обычный провокационный вопрос. Звучал этот вопрос постоянно, из раза в раз. Но Рубцов всегда клевал. Начинал рассказы о своей жизни, длившиеся до самого звонка.

После перерыва он спохватывался, что пора спросить студентов, как они подготовили домашнее задание. Но пока он еще никого не спросил, его снова провоцировали:

– А можно еще один, последний вопросик? Вот вы рассказывали, что...

Тут уж его рассказы продолжались до следующего звонка. Он был уже в очень солидном возрасте, поэтому забывал, что на прошлом семинаре было то же самое. Одними и теми же способами его раскручивали на воспоминания снова и снова. От КБ Поликарпова он в произвольном порядке перескакивал на другие эпизоды своей биографии, любил прихвастнуть знакомством со «знаменитостями» – поэтом Фирсовым и писателем Семеном Бабаевским. Хотя их контакты, похоже, носили не слишком литературный характер. В воспоминаниях Пропеллера обычно фигурировали цитаты иного рода:

– Как говорит мой друг, писатель Семен Бабаевский, водка плохой не бывает, водка бывает хорошая и очень хорошая.

Но некоторым студентам от него доставалось очень круто. У него всегда были любимчики и козлы отпущения. Причем они делились не по уровню знаний, а по номерам групп. Пропеллер был твердо убежден, что «третья» группа – примерные студенты, «четвертая» и «пятая» – туда-сюда, а «шестая» – заведомые разгильдяи и оболтусы. Шли годы, студенты менялись, на его занятия приходили другие курсы. Но та же самая градация у него сохранялась. Правда, мы и са-

ми успешно играли на этой придурки. Допустим, приходит он на лекцию. А политэкономия многие прогуливали. Видя, как обычно, полупустую аудиторию, он сердился, объявлял поголовную проверку, требовал от старост журналы. Но кто-нибудь сразу же подсказывал: «Да опять шестой группы нет!». Удар попадал в цель всегда. Пропеллер устраивал проверку одной лишь шестой группе. Выявлял, что отсутствует два-три человека, и успокаивался. Хотя шестая группа, зная такое внимание к себе, ходила к нему на лекции очень аккуратно. Из других групп присутствовало всего по два-три человека. Но на экзаменах он шестую драл немилосердно. А третья даже со слабенькими знаниями получала пятерки.

На экзаменах он, как будто бы мимоходом, всегда задавал еще один вопрос:

– А сам-то ты откуда?

На самом деле именно этот вопрос был очень коварным. Настоящая мина. Так, Костю Кустова он срезал несколько раз – и только из-за того, что Костя ответил: «Из Белоруссии». А Пропеллер был после войны на партийной работе где-то под Брестом, и там его машину обстреляли бандеровцы. С тех пор он всех выходцев из Белоруссии считал несоветскими людьми и личными врагами. Вот и Кустов круто пострадал, невзирая на то, что он был чисто русским, и не из Бреста, а из-под Витебска.

Не менее опасно было оказаться из Карелии, где Рубцову наломали бока в период коллективизации. А сам Пропел-

лер был из Вологды, говорил с типичным вологодским «оканьем». На этих его патриотических чувствах однажды решил сыграть Саша Селин. Политэкономию он выучил плохо, и вдобавок учился в «опальной» шестой группе. Он был из Урюпинска, но на вопрос, откуда он, ответил, изображая такое же «оканье»: «Из Вологды». У Пропеллера, судя по всему, закралось недоверие. Он подозрительно прищурился и решил проверить:

– А где ты там жил?

Сашка к такому был не готов, но паузы и заминки были недопустимы, ляпнул наугад:

– На Советской, – успел смекнуть, что в любом городе должна где-то быть Советская улица. И угадал, поскольку в Вологде она – главная.

– Ну что ж ты! – перешел Рубцов на добродушно-укоризненный тон. – Из Вологды, на Советской жил, а... шестая группа! Потому и не знаешь ничего, – поворчал, вроде как воспитывая блудного сына, попавшего в дурную компанию. Но все же смягчился, трояк поставил.

Трижды кандидат

Еще одной очень колоритной фигурой в МИФИ был заведующий кафедрой физической химии Пал Петрович Митрофанов. Он был уже глубоким стариком, трижды кандидатом наук – технических, химических и биологических, и ни разу не доктором. Но больше всего он славился своей манерой общения со студентами и страшными трудностями при сдаче лабораторных работ. Сдать ему все «лабы» – это была поистине эпопея. Вроде как от Сталинграда до Берлина пробиться.

В любой день и час, когда ни придешь к нему, он восседал на своем месте, окруженный толпой мучающихся и страдающих студентов. Перед ним постоянно была раскрыта его знаменитая тетрадь. А тетрадками он всегда пользовался из каких-то древнейших запасов, желтыми и рассыпающимися от ветхости, со штампом Наркомпроса. И в этих тетрадках он ставил какие-то закорючки, понятные только ему одному. При твоём появлении он поднимал глаза, спрятанные за толстенными очками, и внятно, очень медленно, произносил:

– Та-ак. К нам пришел товарищ Ша...

Полагалось подсказать конец своей фамилии: «...мба-ров!».

– Товарищ Шамбаров хочет сдать лабораторную. Товарищ Шамбаров подождет...

Ну что ж, стоишь поблизости. Ждешь, пока он не вышибет очередного страждущего, и занимаешь освободившийся стул. Получаешь вопрос – безошибочно заданный с того места, на котором тебя выгнали в прошлый раз. Отвечаешь – получаешь следующий. И так пока не споткнешься. После чего следовала другая сакраментальная фраза:

– Товарищ Шамбаров берет свою ручку, надевает на нее колпачок, забирает свой листок бумаги и уходит. Уходит, уходит, уходит... Мы – не договорились!..

Изгнаннику надо было приходиться снова, когда он выкроит время. Когда угодно, хоть завтра, но только не в этот же день. Бывало, что с каждой лабораторной к нему месяцами таскались.

А на экзаменах он собирал коллекцию отобранных шпаргалок. Причем чутье на шпоры у него было уникальное, а внешность обманчивая. Он носил сильнейшие очки, но не от близорукости, а от дальновзоркости, на чем и горели неопытные – поверх очков он видел дальние концы аудитории, как ястреб. Кого поймает, безоговорочно выгонял. Но принимал очень лояльно. Если ты прорвался через его лабораторные, был допущен к экзамену и сумел написать, никогда дополнительными вопросами не засыпал. Редко ставил ниже четверки.

Мало того, считалось особым шиком, когда уже получил оценку, подарить ему для коллекции свои шпаргалки – тем более если изобрел какое-то новшество в этом деле. А изобр-

ретали кто во что горазд! Потому что без «шпор» выучить и сдать курс физхимии было невозможно в принципе. Получив очередной подарок, Пал Петрович лишь удовлетворенно хмыкал, благодарил и оценивал – дескать, вот это и впрямь оригинальная идея. Или сообщал, что до такого уже кто-то додумался лет 15 назад, и в его коллекции есть подобный экземпляр.

Правда, я ему не стал дарить свое изобретение, хотя и гордился им. Я купил набор разноцветных шариковых ручек и на пластмассовых гранях нацарапал иголкой весь курс физхимии. Разумеется, мельчайшим почерком и в конспективном виде, одни формулы. Повернешь ручку под определенным углом к свету – текст четко видно. Разные цвета ручек – разные разделы. Набор лежит перед тобой вместе с бумагой, открыто. Прочитал билет, вытаскиваешь нужную ручку и пишешь. На эту же ручку поглядываешь, поворачивая ее в пальцах нужной гранью. Со стороны – вообще ничего подозрительного, фиг поймает. Но дарить целый набор ручек показалось жалко – все же ценность немалая по студенческим меркам.

Шпаргалки

Казусов со «шпорами» происходило очень много. Например, после госэкзамена по военной подготовке наш полковник вышел из аудитории в коридор. Смотрит – весь подоконник завален бумажками разных форматов и видов. Стал он копать ради любопытства и в ужасе схватился за голову. Это были шпаргалки, заполненные секретными тактико-техническими характеристиками вооружения и другими аналогичными данными. Причем многие студенты, переписывая их на шпаргалки, аккуратно перенесли на них даже гриф «секретно».

А были дисциплины, которые никак нельзя было сдать без шпаргалок. Например, теоретическая механика. Но там был профессор, Феликс Киселев по кличке «Железный Феликс». Он жестоко списывающих отлавливал. Высматривал по большой аудитории, а как заметит подозрительное движение, сразу указывает пальцем на студента и кричит: «Стой! Замри!» или «Не двигайся!». Тот, конечно же, опешит, скиснет. А Железный Феликс уже бежит к нему и без особого труда находит улику, после чего «проигравшему» остается только идти за дверь, попрощавшись до пересдачи.

Но однажды Железный Феликс напоролся. Засек, что студент явно списывает. Как обычно, палец на него направил, раздался грозный окрик: «Стой, замри!». А у того шпаргал-

ка была зажата в руке. Но он не растерялся. Пока профессор к нему двигался, он на глазах у всех спокойно высморкался в эту бумажку. Смачно, обильно, да и бросил ее. Феликс аж опешил. Не знает что делать – не станешь же подбирать и расклеивать слипшееся. Только и нашелся обругать студента, чтобы так по-свински не мусорил, и заставил отнести бумажку в урну.

Вспоминается и случай на экзамене по теоретической физике. Он имел такую же суровую репутацию – без шпор не сдашь, но и ловили сурово. Я в тот раз сумел списать почти все, но в одном месте в моих шпаргалках размазалась паста шариковой ручки и как раз те формулы испортила, которые мне требовались. Озираюсь, может, кто подскажет? Смотрю, по соседству девушка с нашего курса так лихо строчит, словно и впрямь знает предмет наизусть. Задаю ей шепотом свой вопрос – и в первое мгновение шалею от неожиданности. Она одним движением задирает юбку чуть ли не до пупа. Я глазами хлопаю, силюсь понять, к чему бы такая откровенность? Но следующим движением она подтягивает потуже чулок, отчего он становится прозрачным. Только тогда различаю, что у нее исписано все бедро, вплоть до самых интересных мест.

Но в тот момент и у меня, и у нее настроение было чисто экзаменационным. Для меня формулы представлялись гораздо важнее того, на чем они написаны. Да и девушка никакого смущения не проявляла и вообще не отвлекалась, что

сосед ее тело изучает, продолжала строчить свой билет. А при этом плавно выворачивала бедро, чтобы мне найти нужное место. Пододвинула поближе и повыше вторую ногу, тоже исписанную. Но я уже на первой отыскал то, что требовалось. Поблагодарил ее кивком, она снова чулок приспустила, делая свой конспект непрозрачным, и юбку на место одернула.

А когда сдавали курс реакторного материаловедения, там и шпаргалки оказывались бесполезными. Учебник – здоровенный и толстенный фолиант, сплошь заполненный таблицами со свойствами разных металлов и сплавов. Сами понимаете, запомнить это нереально. Но и шпоры делать – пришлось бы весь этот талмуд переписывать. Сдирали прямо с учебников. В аудиторию, где будут принимать экзамен, приходили утречком пораньше. С нижней стороны каждого стола вбивали по четыре больших гвоздя и загибали их друг к другу. Получалась как бы подвесная полочка, по размерам как раз такая, чтобы книга легла и держалась. Приходят преподаватели – на столах ничего, в столах ничего. А снизу под каждым столом по учебнику. Берешь билет, садишься за стол, выдвигаешь книжищу на колени и пишешь.

Хотя на этом экзамене не охотились и не зверствовали. Преподаватели тоже прекрасно понимали, что выучить все цифры и свойства невозможно, да и незачем. Если понадобится, откроешь справочник и посмотришь. Все списывали, и всем отставляли четверки – поскольку хорошо знали, что

ответы списаны. Если хочешь пятерку, надо было идти сдавать к заведующему кафедрой, профессору Евстюхину. Но вот он-то отличался вредностью, имел красноречивую кличку «Ж...». Мог и трояк, и двойку влепить. В общем, желаешь выдрючиться и рискнуть – иди к «Ж...», флаг тебе в руки. А если без волнений и проблем достаточно четверки, спокойно иди к любому другому преподавателю.

Детективные страсти

Правила проживания в общежитии МИФИ считались довольно строгими. Категорически запрещалось употреблять спиртное, играть в азартные игры и оставлять в комнате посторонних после 23 часов – тем более противоположного пола. Надзирать за соблюдением всех этих запретов и отлавливать нарушителей был обязан оперотряд. Набирали его из самих же студентов, и люди там попадались разные. С некоторыми можно было договориться, другие «рвали и метали». Впрочем, мы их на «хороших» и «плохих» не делили и теплых чувств к ним абсолютно не испытывали. Ведь набирали в оперотряд на добровольной основе. Ну посудите сами, какой нормальный студент по собственному желанию пойдет за своим же братом вынюхивать, гоняться, хватать? Причем на общественных началах, получая за это только «моральное удовлетворение»? В опера как раз и записывались именно такие, кому доставляло моральное удовлетворение почувствовать себя «властью» или насладиться ролью сыщика.

А задавал им тон начальник оперотряда Ванчинов. Он был не студентом, а постоянным сотрудником, числился на мелкой должности в институтской охране и лаборантом на кафедре общей физики. Но фигура была примечательная. Физически он был карликом, разъезжал по контролируемой территории на мотоцикле с коляской, а шлем был слишком

велик и закрывал его почти полностью – за что он заслужил кликуху «говорящая голова». Что уж там у него было с психикой, не знаю, но он на полном серьезе величал сам себя «внештатным майором КГБ» и вкладывал в розыскную работу всю могучую энергию собственных неудовлетворенных комплексов.

Стоит ли удивляться, что рейды и облавы, которые проводили опера, приобретали натуральную детективную окраску? Вломиться могли в любой момент дня и ночи – просто так, потому что они сами себе запланировали общий рейд по комнатам. Соответственно, вырабатывались меры защиты. В комнатах мы в обязательном порядке меняли замки, «забывая» сдать контрольный ключ комендантше или надежно испортив его перед сдачей. Правда, такие вещи периодически обнаруживались, и ключ все-таки заставляли сдать. Но мы, чтобы после этого не тратиться на покупку новых замков, просто менялись замками между комнатами.

Порой подкарауливали нарушителей и в других местах. Однажды во время дружеских посиделок Леха Ростовцев, уже под изрядным газом, пошел за добавкой. Набрал в сумку пустых бутылок – каждая стоила 12 копеек, и если берешь в магазине пиво «на обмен», платить надо было не 37, а 25 копеек за бутылку. Но на вахте, на выходе из корпуса, дежурили опера. Засекли, что от Лехи разит, как из пивной бочки, окликнули. Он не остановился, из общаги выскочил. Но за ним снарядили погоню. Преследуемый Леха долго бегал по

студгородку. Потом понял, что его окружают, и рванул наверх по пожарной лестнице. Опера было следом полезли, но он с высоты пятого этажа стал по ним пустыми бутылками отстреливаться...

В принципе, за все такие нарушения могли наказать очень строго, вплоть до отчисления. Хотя чаще пойманные злоумышленники отделялись каким-нибудь «выговором по общежитию» или несколькими нарядами по выносу мусорных бачков вне очереди – в противном случае в МИФИ попросту не осталось бы студентов. Однако мягкие кары всегда старались компенсировать самим процессом разбирательства, сопутствующими нравоучениями.

А первым делом нарушителя заставляли писать объяснительную записку – она становилась основным документом для расследования и дальнейших проработок. Поэтому и студенты при их написании выкручивались, как могли. Если опера попадались неопытные, не настаивали обязательно предъявить студбилет (конечно же, «забытый дома»), подписывались фамилиями типа Паровозова, Каценеленбогена, Кошковладельцева, группа и комната проживания назывались наугад – пойдешь ищи потом, а найдешь – докажи.

Некоторые объяснительные становились знаменитыми, входили в «анналы» устных студенческих преданий. Так, моего друга Колю Кудрявцева взяли в три часа ночи, когда он под окнами 4-го (девичьего) корпуса пытался исполнять песни под гитару – с тем незначительным уточнением, что на

гитаре он никогда в жизни играть не умел. Но был он в таком состоянии, что искренне возмущился задержанием. В штабе оперотряда решил с юридической точностью выяснить, какая вина и на каком основании ему инкриминируется. А когда уставшие спорить опера ткнули его в какой-то пункт правил проживания – о соблюдении тишины в ночное время, Коля счел дипломатически-тонким ходом написать в рифму: «Обязуюсь впредь по ночам не петь».

Володя Гегеле, задержанный в весьма перегруженном виде, сформулировал объяснительную так: «После занятий я с моим другом Леонидом Купченко зашел в кафе „Каширское“, где плотно поужинал». Эта фраза стала настоящим афоризмом, считалась перлом утонченного юмора – потому что «Каширское» было омерзительной забегаловкой, туда ходили только пить. Еды там не брал никто и никогда – она была непригодной даже для студенческих желудков.

А упомянутый Леня Купченко, когда в его комнате позже установленного срока обнаружили двух девушек, выдал не менее знаменитую объяснительную: «Около 22 часов ко мне в гости пришли моя сестра, Лидия Купченко, и некая Никоненкова. Мы с моим другом, Владимиром Гегеле, объяснили им, моей сестре Лидии Купченко и некой Никоненковой, трудные вопросы по математике. После этого моя сестра, Лидия Купченко, и некая Никоненкова выразили желание научиться играть в покер. Не в силах огорчать их, мою сестру Лидию Купченко и некую Никоненкову, своим отка-

зом, этим мы и занимались. Любой, кто хоть раз видел этих женщин, мою сестру Лидию Купченко и некую Никоненкову, сможет подтвердить: на что-то большее рассчитывать у нас они все равно не могли».

Еще одна своеобразная история произошла с ребятами, учившимися на курс старше меня. Они засели играть в преферанс. В общаге это было дело обычное, но грозило неприятностями. Поэтому сопровождалось строжайшими мерами предосторожности. Игра всегда шла за закрытыми дверями, и не открывали никому, даже на условный стук – ведь его можно подслушать и повторить. Отпирали лишь на знакомый голос. Но тут мужики бдительность потеряли, на стук чуть-чуть приоткрыли – а опера уже наготове ждали, затаив дыхание. Сразу же, штурмом, в комнату вломилась целая орава, парни даже карты убрать не успели.

Но один из них сумел сообразить, перевернул на столе листок бумаги с расписываемой «пулей»: это ведь главное доказательство азартной игры, там черным по белому указаны ставки за вист. Опера на бумажку внимания не обратили, принялись шмонать под кроватями и по шкафам: нет ли вдобавок бутылок? Но бутылок на этот раз не было, взялись за разбирательство. Потребовали объяснительную писать. А ребята обрадовались, что серьезных улик не найдено. Отписали, что играли в подкидного дурака, и вовсе даже не на деньги.

Облава карты конфисковала, объяснительную взяла и уда-

лилась. Но карты, конечно же, имелись в запасе другие. А те, к кому шел выигрыш, заволновались, что надо бы «пулю» дописать – до конца игры немножко оставалось. Хватились самой «пули» – ее-то и нет. В суматохе схватили первый попавшийся листок бумаги и объяснительную об игре в дурака написали на обратной стороне преферансной «пули».

Непонятный термин

На первый курс вместе с нами поступил бывший морячок по фамилии Воробьев, отставной старшина второй статьи. Очень колоритная личность, авторитетная, на все случаи жизни мог дать полезный совет. А к недотепам и оболтусам он обращался со своей любимой поговоркой: «Эх, трахнуть бы тебя клитором по башке!».

Столь сочная фраза быстро стала крылатой. Однажды мы заглянули к девчонкам в гости. Сидим, пьем чай. А Миша Житенев очень любил перед барышнями павлиний хвост распускать. Принялся расписывать, как он делал лабораторную работу – причем рисовал себя настоящим героем науки, чуть ли не открытия совершившим, преодолевая невероятные трудности и опасности:

– ...И тут меня ка-ак тр-рахнет током!

Но Игореша Крылов решил тоже блеснуть интеллектом и поправил его:

– Ну, ты скажешь тоже! Трахает клитором по башке, а током бьет!

Зависла пауза. Девичьи глаза квадратно открылись, и рты тоже – молча. А парни захрюкали в кулаки, толкая Игоря кулаками в бок. Он сообразил – что-то не то. Но что именно, понять не мог. Потом нас недоуменно расспрашивал – чем же он настолько шокировал публику? Как выяснилось,

он искренне считал «клитор» каким-то военно-морским термином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.